

1

Приступая к новой главе, подумал о том, что работать над записками приходится в большом отдалении от происходивших событий. Это создает определенные трудности: какие-то детали и факты теряются, исчезают. Но дистанция времени все же дает и определенные преимущества: память как бы просеивает былое, сберегая самое характерное, самое важное.

Значительной полосой в моей жизни предстает начало 50-х годов, когда мне довелось работать в Советской Молдавии. Пришлось опять оставить налаженное дело и ехать в иной край, где очень многое предстояло начинать заново.

Прежние места работы, скажу откровенно, покидал всегда с большим сожалением. С другой стороны, чего тоже скрыть не хочу, знал, что в жизни партийного работника перемещения, переезды — неизбежны. Доверие партии и народа радовало, более сложная и, как правило, более ответственная работа заставляла внутренне сосредоточиться, рождала обостренный интерес к новому поручению ЦК.

Хорошо помню жаркую весну, когда, собравшись по-военному быстро, выехал, можно сказать, на первую рекогносцировку в Молдавию. Этому предшествовал разговор в ЦК ВКП(б), и меня предупредили, что положение в этой молодой советской республике непростое. Два года подряд этот край сжигала засуха, и, хотя, как водится, помощь уже направили из других районов страны, республике предстояло решать сложные задачи.

В чем заключалась в ту пору особенность положения Молдавии? Это была одна из самых молодых союзных республик. Правобережная ее часть не прошла вместе со всей Страной грандиозной школы советского строительства. В считанные годы она должна была пройти путь пятилеток или даже десятилетий. В Молдавии бурно развивались все те процессы, которые уже прошли в других республиках за более долгий срок. Иным глухим районам, лежавшим за Днестром, предстояло вырваться к социализму наикратчайшим путем.

Молдавия была исконно крестьянским краем. Мгновенно психологию крестьянина не перестроишь. Понимал, как нелегко ему будет расстаться с собственностью — со своим плугом, своим клочком земли. Надо было убедить, именно убедить единоличников в преимуществах коллективного ведения хозяйства, показать не на словах, а на деле, что новая для многих молдавских крестьян форма обобществления труда более всего соответствует их же жизненным интересам.

Время будто повернулось для меня вспять: задачи, давно уже решенные, оставшиеся позади в русских деревнях, в селах Белоруссии и Украины, где довелось трудиться, вновь вставали па повестку дня. Значит, придется, как в годы комсомольской юности, агитировать за колхозы, набирать темпы индустриализации, укреплять роль рабочего класса, заботиться о становлении и росте национальных кадров.

Обо всем этом и шел запомнившийся мне разговор в ЦК ВКП(б). Центральный Комитет, было сказано мне, считает, что сейчас в молдавской партийной организации необходим человек, который был бы в состоянии по-новому взглянуть на сложившуюся там трудную обстановку.

Вскоре об этом говорилось и на пленуме ЦК КП(б) Молдавии, где меня рекомендовали на пост руководителя республиканской партийной организации. Стенограмма того пленума сохранилась, недавно работники партархива переслали ее мне. Прочитал с интересом. Документ по-своему поучителен. «Товарищ Брежнев,— говорилось в представлении ЦК, которое зачитывалось на пленуме,— в партии свыше двух десятков лет, молодой сравнительно товарищ, сейчас в полной силе, он землеустроитель и металлург, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство, что доказал на протяжении ряда лет своей работой в качестве первого секретаря обкома. Человек опытный, энергичный, моторный, прошел всю войну, у него есть звание генерала, и руку он имеет твердую...»

Скажу, что насчет твердой руки у меня были свои соображения, и существенных изменений они с той поры не претерпели. «Командовать» в партийной, да и в любой другой работе не стремился и не стремлюсь. Отмечаю это потому, что, к сожалению, и в моей практике приходилось сталкиваться с руководителями, которые, не вникнув в суть, видя только внешнюю сторону фактов и явлений, скользя, как говорят, по поверхности, по их внешней оболочке, спешили поскорее приказать, указать, сделать оргвыводы. Признак ли это силы? Нет, не думаю.

Именно чувствуя в глубине души свою слабость, такие люди, как показывает опыт, склонны подменять вдумчивый анализ скороспелыми решениями, действовать в порыве эмоций, а то и того хуже — из личной амбиции. И начинаются «севы под диктовку», «досрочные» жатвы, «авральные сдачи» недостроенных объектов, «дутые обязательства»...

Методы командования в партии у нас давно и бесповоротно осуждены. Я их всегда отвергал и по сей день вижу необходимость настойчиво и целеустремленно приучать кадры к глубокой партийности пользования властью — на любых постах, без единого исключения.

Опыт армейской работы, прежде всего фронтовой, научил меня превыше всего ценить в людях обязательность, дисциплину, ответственность за порученное дело. Без этого, на мой взгляд, немислима никакая организация. И чем сложнее обстановка, а в Молдавии она была действительно сложной, тем нужнее эти черты. Мы, коммунисты, исходим из единственно верного ленинского положения: прежде чем принять решение, его нужно и должно обсудить и взвесить. Но после того как решение коллективно принято, оно должно неукоснительно выполняться. Для этого необходим действенный контроль. Нужен спрос с того, кому партия поручила выполнять решение. И это я бы назвал порядком, дисциплиной, а не твердой рукой, как это некоторые любят называть.

2

Приехав в Молдавию, не стал засиживаться в столице и ждать пленума, а сразу же отправился по районам — хотелось увидеть, что же это за край, о котором я знал лишь из прочитанного, хотелось поговорить с людьми, узнать, чем озабочены, чего ждут от нас, партийных руководителей. За долгие годы партийной работы у меня выработалась привычка начинать знакомство с трудовых коллективов, партийных организаций. Если глаз наметан, то все увидишь, почувствуешь, что к чему.

Так было и на этот раз. Приехали мы в Чимишлийский райком партии. Захожу к секретарю. Знакомимся.

— Афтенюк Герман Трофимович.

— Брежнев Леонид Ильич. Представитель ЦК.

Смотрю, встречает без энтузиазма.

— Что, неприятности какие?

— Да как сказать... Тут уже пятеро из Кишинева. Нагрянули, как снег на голову, по пятам ходят. Уборка, хлеб большой, а они — нашли время — готовят нас к отчету на бюро ЦК. Давай им сводки, туда пели, сюда... Вы тоже по этому делу?

Недовольство человека неурочными посетителями было такое простодушное, что мы оба улыгнулись.

— Да нет, — говорю ему, — я из Москвы. Знакомлюсь с республикой.

— Ну, тогда ничего... Может, чем и поможете.

— А что вас беспокоит?

— Что еще может сейчас беспокоить — комбайны, конечно. Вместе с комбайнерами. Да где их взять? Учить и то некому. Молодежь больше.

— Ну, поехали в поле...

В колхозе имени Карла Маркса подъехали к большому массиву пшеницы. Место неровное, па взгорье. Хлеб действительно как по заказу. Вдали тарыхтит комбайн. На обочине — брошенный соломокопнитель. Подошли поближе. Вижу, работает молодой парнишка. Оказалось, это первая его уборка.

— Ты что же это соломокопнитель отцепил? Или сломался?

— Да не сломался, вообще не годится! Он тяжелее самого комбайна, морока одна с ним. А тут холмы — не тянет и все. Даже вода закипела. В два счета машину запорешь.

Смотрю я па этого парнишку — прав абсолютно! За машину болеет, видно, очень старается: стерня за ним — не придерешься.

Присел, помню, с парнишкой рядом. На листке из блокнота набросал чертеж: две продольные планки, трос, чтобы комбайнер мог регулировать сверху... Спрашиваю: понимаешь? И вижу: не только понимает, обрадовался...

— Вот чертовщина, как же мы сами не додумались. Ведь это сделать просто.

— Скажи спасибо,— говорю,— украинским товарищам. У них я видел такое приспособление. А этот соломокопнитель, что отцепил, ругать понапрасну не надо. На ровном поле он ходит нормально.

Уже через некоторое время я узнал, что изобретение украинских комбайнеров сослужило добрую службу не только в этом колхозе, но и в других районах Молдавии с гористым рельефом.

А в тот день мой бессменный еще с фронта шофер Миша, Михаил Георгиевич Фомин, повез нас с секретарем райкома дальше, и где-то под Михайловкой мы увидели еще один комбайн, стоящий посреди поля. Подошли. Движок работает. Из-под хедера выглянуло лицо комбайнера. Смотрю и глазам не верю: дивчина... И в этот момент чуть было нестряслась беда — волосы у нее, когда она повернулась, попали в передаточный механизм комбайна. Она вскрикнула, и я, не помню как, пулей влетел в кабину, выключил двигатель. Все обошлось. Девушка поднялась бледная, по пытается улыбнуться.

— Ну как самочувствие?

— Все в порядке.

Подождали, пока комбайн пошел по пшенице, помахали ей на прощание.

— Хорошие,— говорю,— у вас, Герман Трофимович, кадры механизаторские. Опыта наберутся — станут классными комбайнерами.

— Да, неплохие ребята, вот только отрываем их от дела. Каждого надо утверждать в райкоме, на это время требуется, а мы тут на поле минуты считаем.

— С этим давайте так договоримся: утверждение отменять не будем, по сделаем так: не они к вам будут ездить в райком, а пусть-ка работники райкома приезжают к ним на поле.

Вернувшись из этой первой ознакомительной поездки в Кишинев, я сразу позвонил тогдашнему первому секретарю ЦК КП(б) Молдавии Н. Г. Ковалю: правильно ли, что в разгар уборки отрываете людей от дола проверками, отчетами? Время в такую пору надо экономить.

Во время той поездки по районам пришлось столкнуться и с другими фактами. Тяжелое положение было в селах на правом берегу Днестра.

Сама земля там такая же благодатная, как и на левом берегу Днестра, где Советская власть была установлена сразу же после Октябрьской революции, такие же холмы с садами, лесами и перелесками, называемыми здесь «кодрами», такие же долины и степи. Но хозяйственные постройки в правобережной части были совсем неказисты, крестьянские хаты убоги, под камышовыми и соломенными крышами, а люди босы и плохо одеты, заплатка на заплате. А главное, как я уже упомянул, земля изрезана межами, куда ни глянь — чересполосица.

Молдавия, как я убедился впоследствии, располагала самыми благоприятными условиями для того, чтобы превратиться в одну из житниц страны. Плодороднейшие почвы (здесь говорят: воткни кол — зацветет), обилие тепла, трудолюбивые крестьяне. Но издавна подлинным бичом этих мест были засухи, хроническая нехватка влаги. Людей, которые наконец-то дождались своей земли, основательно подкосили два подряд неурожайных года. В условиях частного хозяйства, которое существовало в правобережных районах, противопоставить засухе вовсе было нечего — воду здесь добывали и сохраняли самыми примитивными способами. Не думал даже, что увижу такое.

Старожилы мне рассказали, что, несмотря на разруху и голод первых послевоенных лет, трудились крестьяне в Бессарабии самоотверженно. Бывали случаи, когда некоторые, обессилев, падали прямо в борозде с плугом или косой в руках. Тяжкие испытания не сломили народ.

Появились за Днестром первые колхозы. Подросла и помощь, щедро оказанная страной, днем и ночью шли эшелоны с машинами, тракторами, комбайнами, стройматериалами, зерном и мясом, но отдача пока была минимальная. Надо было в короткий срок добиться эффекта от вложенных в экономику республики огромных средств — так ставилась задача.

И вот в июле 1950 года собрался пленум ЦК Компартии Молдавии, на котором предстояло обсудить постановление Центрального Комитета ВКП(б) о недостатках в работе Молдавской партийной организации. Это был для меня первый пленум в Молдавии.

Должен отметить, все выступавшие на нем говорили без обиняков, по-партийному остро. Запомнилось мне выступление секретаря Каменского райкома партии Н. Е. Гапонова. Он привел, в частности, такой пример: за последние полгода в райком поступило 159 всякого рода решений ЦК Компартии Молдавии, а ни один его работник не был в районе вот уже три года. Помню, во время перерыва я подошел к нему и говорю:

— Глубоко пашешь, товарищ Гапонов, молодцом!

А он отвечает:

— Сказал, что у всех наболело... Только вот некоторые подходят, советуют: ты, дескать, стенограмму почисть. Так-то оно так, да как бы не припомнили тебе.

Пришлось его подбодрить: стой, мол, на своем, коли чувствуешь свою правоту, а я людей в обиду не даю. И подумалось: вот еще одна иллюстрация к вопросу о неблагополучии с критикой — кадры-то, видно, на горьком опыте учены.

Впрочем, следует отдать должное моему предшественнику Н. Г. Ковалю: он в своем выступлении был достаточно самокритичен, строго оценил и собственные ошибки, и промахи бюро. И вообще, хочу сказать, человек он был честный, трудился много, и приходилось ему в первые годы действительно нелегко. Что ж, такая она, наша партийная работа: на каких-то этапах человек «тянет» и хорошо делает свое дело. Но потом, случается, утратит ощущение перспективы, остроту партийного зрения, с чем-то смирится, как с неизбежным, и тогда уже, хочешь — не хочешь, надо его сменять. Обижаться тут нечего, если думаешь об интересах дела, заботишься о благе народа, о нуждах страны. Что же касается Николая Григорьевича Ковалю, то он до конца дней своих неплохо работал председателем Госплана Молдавии и многое сделал для развития экономики республики.

3

Жизнь с первого дня стучалась в двери — посетители, просьбы, сводки. Нужно было постоянно заниматься решением проблем, от которых зависело во многом будущее этой земли, ее роль и место в семье братских республик, благосостояние ее тружеников.

Самым боевым участком работы было тогда сельское хозяйство. Судя по цифрам, коллективизация шла успешно. Но даже в тот день, когда мне доложили, что в колхозы объединилось уже свыше 80 процентов крестьянских дворов республики, я с выводами не спешил. Достижение, конечно, немалое, но еще оставались районы, где даже половина крестьян не вступила в артели, да и созданные колхозы никак нельзя было считать полнокровными, крепкими хозяйствами.

В ту пору мне часто приходилось бывать на собраниях, где в трудных спорах принимались решения о создании коллективных хозяйств, читать отчеты о них. В большинстве своем молдавские крестьяне не подвергали сомнению полезность этой новой для них формы организации труда. Но я знал, что их убедят не слова. Люди хотели своими глазами увидеть, что это такое — колхоз. Просто сказать им: давайте-ка побыстрее объединяйте свои наделы, скотину, дворы — было бы неправильно. Задачу я видел в том, чтобы создать хорошо организованные колхозы и на их примере убедить крестьянина в пользе артельной работы. Такие колхозы — своего рода опорные пункты — представлялись мне важными и как школы воспитания партийного и хозяйственного актива.

Помню, как вместе с секретарем ЦК КП(б) Молдавии Д. Г. Ткачом мы организовали нашу первую выставку достижений сельского хозяйства. На ней побывали сотни ходоков, десятки

делегаций. Во многих случаях делегации эти становились затем ядром будущих крепких артелей.

И все же нельзя было не отдавать себе отчет в том, что молдавский крестьянин, вчера лишь подавший заявление в колхоз, не мог тотчас преодолеть в себе веками укоренившуюся частнособственническую психологию. Мешала нам и слабость кадров в деревне, и враждебная деятельность антисоциалистических элементов.

Враги у колхозного строя были. Вредили они чаще всего исподволь наговорами, провокациями, пробирались подчас к руководству хозяйствами, проталкивали туда своих людей и всячески старались подорвать веру крестьян в колхозы. Они брались и за обрезы, и, хотя массового характера такие выступления не носили, все же и тут в ходе коллективизации были жертвы. Погибли заместитель председателя Чучуленского сельсовета Страшенского района Н. П. Пагу, агроуполномоченный села Згурицы Згурицкого района И. К. Присакарь, комсомольский активист из села Мындрешты Кишкаренского района И. А. Богонос, председатель женсовета села Жабка Флорештского района М. А. Пискаря, и не только они.

Надо сказать, что в борьбе с врагами социализма партийная организация проявляла подлинно революционную бдительность и большевистскую непримиримость.

Уровень партийного руководства колхозами был в то время поистине решающим фактором. В одну из поездок в Дрокиевский район мне довелось увидеть буквально два мира на одной сельской улице. Два колхоза были созданы в селе в один день — 27 августа 1947 года. Один из них идет в гору, второй — хиреет. В первом за эти годы приобрели больше двадцати сложных машин, увеличили поголовье общественного скота, в шесть раз выросли денежные доходы колхозников, год от года повышается урожай хлеба. В другом совсем иная картина: урожаи на 5—6 центнеров ниже, скот падает, доходы колхозников никудышные. Сменилось несколько председателей, но все остается по-прежнему.

Стали знакомиться с работой партийных организаций. И что же увидели? В передовом колхозе — боевая, растущая организация, коммунисты возглавляют решающие участки производства, председатель чуть что — к ним за советом. В отстающем хозяйстве коммунистов вообще не слышно, даже собрания перестали проводить. Председатель бьется один, без помощи и поддержки. Поправили дело в партийной организации — и хозяйство пошло на лад.

На одном из совещаний партийно-хозяйственного актива я привел запомнившиеся мне слова из повести Валентина Овечкина «С фронтовым приветом». В этой повести фронтовик-колхозник так говорит о плохих артелях: «Мало радости жить людям в таких отстающих колхозах... Почему в армии у нас нет этого термина — отстающий полк, отстающий батальон? Вот интересно бы получилось, если бы какой-нибудь полк не выполнил боевого приказа, а комдив стал бы оправдывать его перед командующим армией: «Да что с него возьмешь, товарищ командарм, это у нас вообще отстающий полк с самого начала войны».

Верно подметил наш известный писатель. И сейчас еще кое-где можно найти за средними показателями захудалый колхоз или совхоз, проваливающий все кампании. Да почему-то привыкают к такому хозяйству, считают, видно, что среди сильных неизбежны и отстающие.

Разговор об этом не теряет актуальности. Нас должны беспокоить не только экономические последствия, но и моральный урон, наносимый обществу подобными небоеспособными коллективами и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и на стройках. Недодавая нужную стране продукцию, они создают затруднения в планировании, перебои в поставках. И кто же, как не партийные организации, должны спросить с каждого такого коллектива и его руководителей: совесть-то у вас есть, товарищи? Необходимо дойти до каждого такого предприятия, колхоза, совхоза, стройки, учреждения, отрасли хозяйства, глубоко разобраться в причинах отставания и найти средства их устранения: где-то строго спросить, где-то поднять моральную и материальную ответственность каждого работника за результаты своего труда, а где-то и сменить «комсостав», если он не способен как следует организовать работу.

Вспоминаю, в Молдавии приехал я как-то в Ниспоренский район. Поговорили с секретарем Валерием Ивановичем Крыжановским, а потом он предложил:

— Поедемте, Леонид Ильич, я вам кое-что покажу. Не пожалеете!

Едем. За поворотом дороги вижу большое село Милешты, дворов около восьмисот. Но даже и

крыши еле заметны — кругом сады.

— Вон там, под горой, смотрите...

Внизу темнеют какие-то предметы — издали не разобрать, то ли тракторы, то ли еще что. Подъехали ближе: разбитые фашистские танки. Пятнадцать танков! Постояли. Вспомнили войну. Валерий Иванович тоже ее прошел, был ранен. Нам, фронтовикам, не нужно было напрягать воображение, чтобы представить себе, что происходило в этой низине, чего стоило нашим солдатам выбить фашистов отсюда! Но они их выбили. И оттого показался нам этот сад теперь вдвойне цветущим. Ровные ряды цветущих деревьев, ходим, не налюбуемся; и вдруг вижу — распаханная полоса попадает между рядами.

— Что за пахота? — спрашиваю.

— Межи. Только не единоличные, а колхозные. Тут, в Милештах, два колхоза и совхоз на месте усадьбы сбежавшего помещика. Сад тоже помещичий, его посадили и вырастили милештские батраки, вот и поделили после освобождения по-братски, по справедливости.

— А с продукцией как? Куда ее реализуют?

— Раздают на трудодни, совхоз перерабатывает, но много пропадает. До ближайшей железнодорожной станции шестнадцать километров проселка. Дожди пойдут — с перевозкой трудно.

Вечером встретились с колхозниками и рабочими совхоза. Когда обсудили намеченные дела, я подвел разговор к саду: давайте, мол, вместе думать, как таким богатством распорядиться. Какой смысл делить его на клочки — и обрабатывать неудобно, и урожай расходуется без особого проку. Со мною согласились. Позже, когда взялись «укрупнять» сад, нашелся мудрый человек и говорит: «А что, если нам и все остальное в единый котел? Одно село, одна земля. Давайте попробуем!» Так колхозы в селе Милешты слились в один.

Мы это начинание поддержали, дали объединенному колхозу технику (поначалу на общем дворе у него оказалось 150 волов — вот и вся тягловая сила), помогли и еще чем могли. Что же касается сада, с которого все началось, то он стал едва ли не главной статьей дохода. Колхозники добавили к нему изрядный участок сливовых деревьев и тысячами тонн повезли фрукты на построенный вскоре консервный завод. С той поры садоводческие районы республики и пошли по пути создания больших садов.

Двадцать лет спустя, в 1971 году, направляясь на съезд Болгарской коммунистической партии, я остановился в Молдавии. Показали мне одни из самых крупных садов в Унгенском районе. Был он, конечно, не чета прежним — площадь около четырех тысяч гектаров, самый современный метод пальметной формировки деревьев. Подлинный сад будущего. Так я и сказал хозяевам на прощание:

— Тысячу лет цвести вашему саду!

А колхоз имени Ленина в Милештах стал тогда одной из первых укрупненных артелей в республике. И этот первый опыт подсказал нам самый верный в тех условиях путь дальнейшего укрепления колхозного строя в Молдавии. После детального изучения вопроса и обсуждения его на бюро ЦК такой курс был взят по всей республике, хотя это и грозило определенными издержками на первых порах. Но мы не убоились трудностей, предпочли дальние цели ближним и, как показала практика, не ошиблись. Сейчас в Милештах мощный совхоз-завод.

Чтобы читатель полнее мог представить себе специфику работы в молодой республике, неповторимую атмосферу тех лет, расскажу о так называемых «антикомбайновых настроениях». Представьте себе, они затронули не только селян, но и некоторых председателей колхозов, активистов и даже кое-кого из райкомовцев.

Однажды ездили по районам вместе с Председателем Совета Министров республики Герасимом Яковлевичем Рудем. Помнится, где-то под Вулканештами ночью в свете фар увидели стоящий в поле комбайн. Подъехали. Машина заглохла. Возится комбайнер, видно, уже не первый час, а не может найти причину: не заводится, и все тут. Вот вам и опора пересудам и слухам, что-де пользы от этих машин не будет. А вол, известно, безотказен, кнутом его подхлестни, вот и устранена «неисправность». Пришлось нам на том поле надолго застрять.

Водители знают, как это бывает: подойдешь посмотреть, что там копается коллега в моторе, скажешь «то-то проверь», а он и не знает, где эта штука находится. Лезешь сам и не заметишь, как втянешься, а потом уходишь весь в масле. Так было и тут. Попробовали свечи, распределитель, проверили все, что следует,— нет, не заводится. Пришлось засучить рукава — отступить было некуда. Провозились до света, но все-таки запустили.

С комбайнером мы распрощались друзьями.

Но это, что называется, дорожный эпизод. А суть проблемы была вот в чем. Некоторые руководители хозяйств, не дав себе труда толком познакомиться с машинами, олицетворявшими тогда революционные преобразования на селе, изучить их поистине неограниченные возможности, поддались настроениям отсталой части колхозников. Дело в том, что крестьяне эти, едва начав работать сообща, не познав еще преимуществ коллективного ведения хозяйства, опасались, что использование техники, связанное с натуроплатой, пагубно скажется на колхозном бюджете. Эти веяния умело раздували всякого рода враждебные элементы, а хозяйственные руководители, вместо того чтобы терпеливо разъяснять им, что только с применением техники возможен крутой подъем хозяйства и рост его доходов, сами подчас оказывались в плену отсталых представлений.

Сейчас все эти «антикомбайновые настроения» могут вызвать лишь чувство недоумения. Но не будем забывать, о каком времени в биографии республики идет речь. И тогда «настроения» эти доставляли нам немало хлопот. В самом деле: к концу 1951 года, когда Молдавия получила дополнительно свыше 5 тысяч тракторов, 1370 комбайнов и до 23 тысяч других сельхозмашин, едва ли не половина МТС не выполнила план. Вот и приходилось эти вопросы со всей остротой ставить на совещаниях, прибегать порой и к крутым мерам. Но прежде всего следовало, конечно, научить товарищей, знавших до этого только волов, обращению с техникой.

Это было непросто, шла коренная ломка психологии крестьянина, который до Советской власти часто и вола не имел, а все же был частником. Достаточно глубоко прочувствовав, поняв это из бесчисленных встреч и бесед с людьми — на бригадных станах, на кукурузных полях, просто у бровки дорог,— я считал своим долгом четко сориентировать партийных руководителей среднего и низового звена, что мы не можем пока подходить к молдавскому колхознику с той же меркой, с какой ведем работу с людьми в других республиках, в уже окрепших, имеющих большой коллективный опыт хозяйствах.

Наша партия никогда не рассматривала и не рассматривает построение материально-технической базы социализма, а затем и коммунизма как некую самоцель. Для нас принцип: «Все — для блага человека, все — во имя человека!» — определял и определяет существо политики КПСС на всех этапах становления и развития нашей социалистической державы. Последовательно проводили в жизнь этот принцип и мы в Молдавии того периода, когда она как бы повторяла, хотя и в новых условиях, путь, пройденный в свое время всей страной. Кооперируя сельское хозяйство, создавая заново промышленность республики, поднимая ее культуру, науку, мы всегда имели в виду главную цель — воспитание нового человека. В этом деле тогда, в 50-е годы, в Молдавии огромную роль сыграли созданные по постановлению ЦК ВКП(б) политотделы МТС. Их было около ста. Работники райкомов партии, аппарат ЦК подбирали на должности начальников политотделов, их заместителей, женорганизаторов и редакторов политотдельских газет опытных коммунистов, знающих и любящих село. Им предстояла нелегкая работа по переустройству молдавской деревни.

4

Работая в Молдавии, я многое читал о прошлом этого края. Молдавский летописец Григорий Уреке с горечью назвал свою родину «страной на пути всех бед». Веками народ, населявший землю между Прутом и Днестром, вынужден был вести жестокую борьбу за право распоряжаться собственной судьбой, а порой и за само право на существование. Его стремление к достойному человеку укладу жизни, к свободе и независимости всегда находило понимание и живой отклик в умах и сердцах передовых людей России.

Напомню, что Советскую власть молдавский народ под руководством своей большевистской организации установил на всей территории республики сразу же после Великого Октября — в 1918 году. Но вскоре международный империализм оторвал Бессарабию от Советской Родины.

В то время как по левому берегу Днестра провозглашенная в 1924 году Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика успешно строила жизнь по законам социализма, правобережная часть Молдавии жила по иным законам.

Мне запомнились красочные рассказы Емилиана Букова. Он теперь известный писатель, Герой Социалистического Труда, его произведения изданы во многих странах. Это о его книге «Андрееш» писали за рубежом: «Книга Букова по своим тиражам на иностранных языках превысила численность населения его республики». В ту пору в Кишиневе мы с ним встречались не раз.

— Знаете, — сказал он мне однажды. — Впервые я свободно пел «Интернационал» только в 1940 году.

Многое кроется за этим фактом биографии. В довоенной Бессарабии Буков был комсомольцем-подпольщиком. Первый гонорар за поэму «Баллада о Ленине», которую читал на тайных собраниях, получил... розгами в полиции. «Отсыпали» ровно по количеству строк. Случались и другие аресты, однако человек не смирился с тем, что было, продолжал борьбу за то, что любил. И я видел, что в строительство новой жизни он включился со всем жаром поэтического сердца и убежденностью коммуниста.

Да, была для всех нас в молдавском народе внутренняя опора, сложившаяся веками, — стремление людей к устройству жизни на началах социальной справедливости, свободолюбие, революционный дух. Ведь именно здесь, на молдавской земле, действовала типография подпольной ленинской «Искры», именно молдаване дали революции сынов, ставших гордостью всего советского народа, — Михаила Фрунзе, Григория Котовского, Сергея Лазо.

В 1940 году Молдавская Советская Социалистическая Республика вошла полноправной сестрой в братский союз народов нашей страны. А вскоре молдаване плечом к плечу со всеми народами-братьями защищали вновь обретенную Родину. Одними из первых вступили в бой с фашистами воины 95-й молдавской дивизии. Она участвовала в Сталинградской битве и получила звание гвардейской. Свыше 250 тысяч молдаван сражались в рядах Советской Армии, я встречал их на фронте, это были смелые бойцы.

Как и всюду, война принесла Молдавии неисчислимые беды. В Кишинев я приехал через пять лет после нашей победы, но застал еще разрушенные улицы и кварталы, которые предстояло восстановить. В руинах лежали Тирасполь, Бельцы, Бендеры, Оргеев и многие районные центры. Я видел немало разоренных деревень, выжженных садов и виноградников.

Сколько же жизненных соков забрала война, сколько людских судеб поковеркала. Трудно, глядя на сегодняшнюю Молдавию, представить себе, какие бои здесь гремели в военную годину. Она не только не отстала в своем развитии, но преображалась буквально на глазах. Все это и на моей памяти.

Скажем, если в довоенной Бессарабии рабочие составляли всего 0,31 процента населения, то теперь в промышленности занят каждый второй трудоспособный житель. Вчерашние пахари и виноградари изготавливают литейное оборудование, современные электродвигатели и эхолоты, первоклассные тракторы, точнейшие приборы. Или взять культуру, науку. В крае, где только один из десяти жителей умел расписаться, трудится трехсоттысячный отряд национальной интеллигенции.

И все это стало возможным благодаря огромной помощи, которая была оказана Молдавии братскими союзными республиками в культурном строительстве, в подъеме образования, подготовке кадров. В высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, других крупнейших центров страны обучались большие отряды посланцев молодой республики. В самой Молдавии были открыты вузы, техникумы. Социалистическая культурная революция волею партии быстро пробивала дорогу в каждый молдавский город, каждое село. По числу студентов на 10 тысяч жителей Молдавия превзошла в пору моей работы там такие страны, как Дания, Италия, Швеция, Франция.

Мне памятли споры молдавских ученых по поводу содержания первого в республике советского букваря, а в наши дни они участвуют в освоении космоса: созданная в Молдавии экспериментальная установка «Оазис-2» — прообраз оазиса жизни на орбите — успешно действовала на борту космического корабля «Союз-13».

Да, история нашей страны измеряется не только годами. Мы по праву судим о нашем прошлом и настоящем по масштабу сделанного, свершенного. Это справедливо для каждой нашей республики, для всего исторического пути, пройденного советским народом.

Если вычесть войну и первые послевоенные годы, ушедшие на восстановление разрушений, то на развитие, например, Молдавии в семье советских народов приходится немногим более тридцати лет. Но какой огромный путь она прошла за это короткое время! Республика стала одной из житниц страны, одним из крупнейших центров садоводства и виноделия. А объем продукции ее промышленности вырос в 52 раза по сравнению с 1940 годом.

Что тут скрывать, радостно на душе, когда подводятся такие итоги. И вдвойне радостно, когда ты сам к этому был причастен.

5

Если вспомнить сегодня, какое слово чаще всего повторялось в Молдавии на наших собраниях, конференциях, на бюро ЦК, то это слово — кадры. Тогда, в начале 50-х годов, в первую очередь следовало думать о кадрах, смелее выдвигать и воспитывать национальные кадры — это я считал решающим условием успеха.

Было ясно, что никакие тракторы и комбайны сами по себе не двинут безлошадную деревню в социализм, если во главе колхозов, совхозов, МТС, районных и первичных партийных организации не будут стоять преданные делу, знающие организаторы. Никакие капиталовложения не превратят полукустарные мастерские (какими только и располагала воссоединенная часть Молдавии) в современные социалистические предприятия, если эти средства не попадут в надежные руки умных хозяйственных руководителей. Таких организаторов и руководителей надо было искать без промедления, проверять в практических делах, растить, что называется, на ходу.

Мне были даны широкие полномочия, в том числе и в плане перестановки кадров. Однако весь прошлый опыт подсказывал: только кропотливая работа с людьми может дать нужный эффект. Вот почему мы тогда твердо договорились в ЦК не перетасовывать без надобности работников руководящего звена, давать возможность каждому человеку доказать свое умение. Случалось, при обсуждении проступка какого-либо работника горячность начинала брать верх. Тогда я прерывал разговор: «Вот что, товарищи, давайте отложим решение, поостынем, подумаем». И, смотришь, удавалось сохранить для дела нужного человека, который впоследствии делом же подтверждал, что срыв его был случаен.

Встречались, правда, и того сорта деятели, с которыми вести долгие разговоры не имело смысла. Вот, например, какое письмо поступило в ЦК от колхозников Вулканештского района. В руководстве сельским хозяйством там подвизался некий Малевич, и, сколько ни заваливал заданий, все его «перебрасывали», пока он не оказался в должности председателя колхоза, где тоже пьянствовал, занимался хищениями. «Все это,— писали колхозники,— заставило нас побеспокоить вас и просить выслать комиссию. Помогите нам убрать чуждый элемент колхозному строю и при помощи честных руководителей сделать наш колхоз большевистским, а нас — зажиточными».

Факты при проверке подтвердились, и мы немедленно изгнали этого человека с поста председателя и исключили из партии.

С такого рода деятелями мы вели самую решительную борьбу. Но веры в людей такие столкновения у меня не подорвали. Напротив, на их фоне еще виднее становились дельные работники, которые просто не успели проявить себя. Порой ведь обстоятельства складываются так, что и толковому человеку трудно раскрыть свои способности в полной мере. И всегда потом было приятно убеждаться, что такое отношение к людям — с некоторым даже завышением их возможностей, с верой в их будущие большие дела — подтверждалось.

Мне везло на встречи с хорошими людьми. Наверное, по той простой причине, что их вообще больше, чем плохих. Уже через полгода-год пребывания в республике я знал всех секретарей райкомов, не говоря уже о работниках аппарата ЦК, знаком был с большинством председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, промышленных предприятий, знал их сильные и слабые стороны. В подавляющем большинстве это были настоящие коммунисты, истинные труженики, не щадившие себя в работе.

Жили тогда еще трудно: домов строили мало, не хватало товаров. Как-то пригласил я к себе в кабинет одного нашего инструктора расспросить, как и что,— он из района вернулся. Входит. Смотрю, брюки на нем заношены до блеска, а у колен вовсе протерлись до дыр. Смутился. Прячет ноги за стол.

— Да,— говорю,— что ж так поизносились?

— По правде сказать, Леонид Ильич, не разживусь никак на новые. Времена, сами знаете...

— Знаю, знаю.

Знал я и другое. Это был хороший работник, начинал воевать еще под Халхин-Голом, имел ранения и награды. Позвонил тут же управляющему делами. А ему говорю:

— Идите прямо сейчас к управляющему — он выпишет единовременное пособие на костюм. Сразу и купите, а после ко мне. Заодно посмотрим, как сидит.

Многим в ту пору жилось трудно. Я это видел. Частенько наведывался на базар, заходил в магазины, в столовые. Иногда звал с собой кого-нибудь из ЦК или Совмина — давайте поглядим, чем людей кормим, во что одеваем. Ходили, смотрели, беседовали с колхозниками, покупателями. Характерно, люди не жаловались: «Ничего, мол, в войну и не такое пережили». Но видно было: с продуктами и с товарами тяжело, не хватает самого необходимого. Эти беседы и встречи были очень полезными, они подталкивали: надо спешить, надо работать, работать.

Много времени проводил в поездках по районам. Есть приходилось сплошь и рядом где-нибудь у обочины или в лесополосе, и ели, как говорится, что бог послал. Иногда трактористы угостят фасолевым супом, кулешом, мамалыгой. Иногда на ходу пожуешь слив или яблок. Гостиниц тогда еще нигде не было — ночевали в домах секретарей райкомов, председателей колхозов, а то и просто в машине, если дела торопили. Работали, что называется, до упаду: редко, когда раньше двенадцати ночи гасли огни в ЦК и Совмине. Да и дома, бывало, полночи ворочаешься с боку на бок — не дают покоя мысли о том, о другом.

Кто-то, возможно, скажет, глядя на все это с высоты нынешней науки управления,— неорганизованность. На это так можно ответить: в те времена становления республики каждый, кто считал себя коммунистом, брал на себя больше «положенного». Бывало, удивлялся, глядя на своих товарищей: словно двужилые, из какого-то особого материала скроены. Впрочем, в этом смысле я и себе пощады не давал.

Самоотверженных людей вокруг было много. Среди них выделялись трудолюбием, особой жадностью к работе бывшие фронтовики. К ним меня особенно тянуло. Не надо было искать «подхода». Спросишь, где воевал, вспомнишь вместе с человеком знакомые места, горе и радости тех дней — и уже понимаем друг друга без слов. Многих до сих пор хорошо помню.

В Тираспольском райкоме партии работала в то время секретарем М. М. Лесовая. Война застала ее 17-летней девчонкой, работала медсестрой в сельской больнице. Сразу попросилась на фронт. Под Севастополем вынесла из-под огня двадцать одного раненого, погрузила в машину — и в тыл. А по дороге нарвались на фашистов. Шофер был смертельно ранен. Девушка залегла на обочине с автоматом и отбилась. А потом, будучи тоже ранена, сама довела машину до медсанбата. За это была награждена орденом Красного Знамени. За бои под Сталинградом (она уже была командиром санитарного взвода) получила орден Красной Звезды, потом — Отечественной войны. И дошла до Берлина! Оставила на рейхстаге подпись: «9 мая. М. Лесовая». Такой же фронтовичкой оставалась она и на райкомовской работе.

Вспоминаю также в старинном молдавском селе Токмазея династию механизаторов Кирияковых. Легендарная семья — семеро братьев и две сестры — еще в 20-е годы вступила в колхоз. Старший, Артем, стал бригадиром трактористов. (Было это еще в 1933 году.) В бригаде Артема работал другой брат, Иван, третий тоже был трактористом в соседнем селе. Началась

война, и все семеро братьев пошли на фронт. Под Витебском сложил голову Данило, недалеко от родного села за Днестром — Максим. Лев умер от ран. Остальные вернулись с войны — и опять за свои трактора. А сейчас и сыновья их — тоже механизаторы, трудятся в колхозе «Родина».

Вспоминаю знаменитую тогда па всю республику Анастасию Мажарову. Райкомовские документы она подписывала так: «Секретарь райкома, гвардии майор Мажарова». Тоже судьба героическая. Родилась в смоленской деревне, отец был шахтером, сама с малых лет батрачила, прошла фронт, была разведчицей, начальником политотдела. При мне она работала первым секретарем Тараклийского райкома, затем была направлена учиться в Высшую партийную школу в Москву. Но на этом наше сотрудничество не закончилось. Когда я работал уже секретарем ЦК КП Казахстана и начался подъем целины, у меня в кабинете однажды раздался звонок:

— Леонид Ильич, это Мажарова, помните такую? Вот окончила школу, у вас там, слышно, большие дела начинаются, а как же я, «гвардии майор Мажарова», без наступления... Может, примете в полк?

Как же было не принять? Вскоре она приехала в Казахстан, «с полной выкладкой» прошла все целинное наступление.

Много фронтовиков работало и в аппарате ЦК Компартии Молдавии. Смотришь утром на открывающихся двери нашего партийного дома на Киевской, и сердце сжимается — кто прихрамывает, кто на костыль опирается, а кто и с пустым рукавом идет. И у всех боевые ордена, медали — знаки их ратных подвигов. Не могу не вспомнить скромного, застенчивого человека Кирилла Федоровича Ильяшенко. У него от осколка — глубокий шрам на лице. До войны работал учителем, а после демобилизации возглавил нелегкий участок в молдавском ЦК — заведовал отделом науки, школ и культуры. Он обладал особым умением привлекать к себе людей, казалось бы, самых разных по характеру, по роду занятий — артистов, писателей, художников, музыкантов, работников науки, они шли к нему в ЦК за советом, за помощью. Последние годы Кирилл Федорович работал Председателем Президиума Верховного Совета республики...

Сравнительно короткий, но насыщенный период работы в Молдавии стал и для меня самого качественно новым этапом становления как партийного руководителя. Здесь я со всей глубиной и как говаривал один наш секретарь райкома, «всеми органами чувств» осознал суть понятия **руководящая роль партии**. Ее направляющая воля, неистребимая энергия, коллективная мудрость, возрастающий опыт, наконец, беспредельный заряд веры в правоту нашего дела — все то, что заложено в той или иной мере в каждом из нас, ее бойцов, — буквально пронизывали все поры молодого, вступающего в жизнь, формировавшегося организма республики. Коммунистическая партия Молдавии, один из отрядов великой ленинской партии, мужала и обретала прозорливую мудрость вместе со становлением Молдавской Советской Социалистической Республики. И какая же ответственность ложится на каждого из нас перед партией, когда она поручает нам такое великое дело.

Владимир Ильич Ленин превыше всего ценил в человеке прямоту, идейную убежденность, единство слова и дела, цельность личности. Известно, как он умел выслушивать людей, советоваться с ними, опираться на их опыт, учитывать их суждения.

Мы часто возвращались в ту пору к облику партийного руководителя, со всею строгостью сверяя себя с ленинскими моральными нормами партии. Позволю себе привести выдержку из стенограммы моего выступления на пленуме ЦК КП(б) Молдавии в апреле 1951 года:

«Необходимо более принципиально относиться к общему делу, не разводить плесени, гнили, болота... Понятно, что может не все идти гладко, этого не исключишь, но мы должны стремиться к тому, чтобы не допускать просчетов. Для этого надо трудиться с предельным напряжением сил и способностей, какими обладает каждый из нас... Исходя из требований съезда, надо поднять ответственность руководителей всех рангов, и в первую очередь партийных и советских. Это не значит, что мы должны «избивать» работников. Мы и впредь будем проводить политику сохранения кадров, воспитания кадров, бережного отношения к кадрам...»

За многие годы в партийных комитетах выработался плодотворный стиль работы, в основе которого — не горячность, не наскок, не скоропалительность выводов, а обстоятельный, глубокий анализ возникающих проблем. Научный подход к партийной работе — это подход сугубо деловой.

Он обязывает действовать, не теряя времени, сверяя свой шаг с ходом общественного развития, с содержанием и духом коллективных решений. Весь мой опыт свидетельствует также, что актив партии умеет видеть все многообразие возможностей социалистического общества, всегда стремится найти оптимальный вариант решения той или иной проблемы.

Работая в Молдавии, мы нацеливали все партийные организации на выработку научно обоснованных решений, на аргументированную доказательность их политической целесообразности и экономической необходимости.

Таков магистральный путь всей нашей партийной работы и сегодня.

6

Энергичные меры ЦК Компартии Молдавии, упорная, последовательная, целеустремленная работа, наконец, само время делали свое. Все чаще доводилось сталкиваться с фактами, которые свидетельствовали о существенных сдвигах в мировоззрении людей. Помню, на одном из совещаний я поинтересовался, как реагируют крестьяне на исключение из колхоза. Ответ был такой: «Большинство исключенных просит оставить их в колхозе». Это о многом говорило.

Как это ни покажется странным, в Молдавии мне пришлось убедиться, что даже такая исконная для края культура, как кукуруза, возделывается отсталыми методами и дает очень низкие урожаи. Культуру эту у нас одно время усиленно продвигали, пытались выращивать под Архангельском, на Вологодчине, чуть ли не в Заполярье,— ничего хорошего из этого, как известно, не получилось. Но кукуруза в этом не виновата. Цену ей я узнал еще на Украине, а уж в Молдавии, был убежден, она могла давать урожаи еще более высокие.

По сей день молдавские товарищи вспоминают, что кукуруза была одним из моих «коньков». Кое-кто тогда даже посмеивался: вот, мол, первый секретарь в багажнике автомобиля возит по районам кукурузосажалку собственной конструкции. И я действительно одно время возил с собой это нехитрое приспособление. Только не «собственной», конечно, конструкции — тут и должен авторское право передать другому лицу.

А дело так обстояло. В то время никаких механизмов для этих целей, тем более заводского производства, еще не было, во всяком случае в республике. Такая техника стала изготавливаться в централизованном порядке гораздо позже. А тогда надо было искать подручные средства. И вот однажды в Сорокском районе одна старая крестьянка, прослышав о наших заботах, подарила мне эту кукурузосажалку. «Возьмите,— говорит,— когда я выходила замуж, отец мне ее в приданое подарил, может, и теперь еще сгодится...»

Я немедленно опробовал, проверил в деле это умное крестьянское приспособление в одном из хозяйств и дал указание изготовить опытные образцы. А пока там поворачивались с чертежами и инструкциями, пропагандировал сам остроумную самоделку, облегчавшую труд кукурузоводов. Слух о ней прошел уже по районам — товарищи с мест требовали «техническую документацию», чтобы изготовить кукурузосажалки у себя. Вот тогда я и продемонстрировал подарок старой крестьянки участникам очередного совещания в нашем ЦК. После этого и пошла кукурузосажалка по районам. И что вы думаете: она помогла нам уже весной 1951 года не только успешно справиться с севом, но и получить заметную прибавку урожая.

Многое в Молдавии опробовалось тогда впервые. Все, что приживалось, было выгодным, мы широко внедряли в хозяйство. Известно, однако, что новое очень часто пробивает себе дорогу через препятствия, рожденные привычками, а иногда и косностью. Для внедрения каждого новшества нужны были первопроходцы, которые верят в него и готовы пойти на риск. Таких энтузиастов я всегда присматривал, всегда на них опирался. Это были простые крестьяне, смекалистые, талантливые, ставшие умелыми руководителями колхозов. Помню их всех хорошо, надеюсь, и они меня не забыли.

Д. С. Василати, Т. М. Ермураки, З. И. Кройтор, Д. И. Мищенко, А. И. Папуров, Д. Е. Рашкулов, С. Г. Швец — вот они, мои товарищи во многих полезных начинаниях. Я любил бывать в их хозяйствах. И хотя навещать чаще приходилось отстающих, иногда даже крюк по дороге делал, чтобы заглянуть в хозяйства этих людей — узнать что-то новое, посоветоваться, проверить их

взглядом свои наблюдения.

Бывало и так, что ехал не один, привозил из других районов секретарей райкомов. Садился в машину, брал с собой несколько человек и вез в передовой колхоз. Здесь же на месте разбирали, что сделано хорошего, а где мы недорабатываем. Вот так мы все коллективно и учились.

Одним из лучших опорных пунктов, куда ездил частенько, был колхоз «Вяца ноуэ» — «Новая жизнь». Это сравнительно недалеко от Кишинева, в Оргеевском районе. Его путь к новой жизни — это вместе с тем и история всей молдавской деревни за годы Советской власти.

После войны в селе Чокылтены двести крестьян «обобществили» 7 пар лошадей, 12 пар волов, несколько плугов и борон. С этим и пошли в новую жизнь. Первой общественной стройкой был обыкновенный сарай. Но строили его сообща, для колхоза. Со всего района свозили тогда народ на митинги — вот, мол, что мы можем вместе.

Через два года колхоз заключил союз с учеными Молдавского филиала Академии наук СССР, основой нынешней Академии наук республики. По совету ученых началось освоение новых для Молдавии ценных кормовых злаков — колхоз стал одновременно и опытной станцией. Чокылтенцы первыми опробовали новые методы оплаты труда, были среди зачинателей межколхозной кооперации в республике. И люди тут вырастали на глазах. Бывший батрак Штефан Штирбу стал Героем Социалистического Труда. Словом, было в этом хозяйстве на что посмотреть и что перенять.

С чокылтеицами, признаюсь, меня связывала и давняя страсть к охоте. А тут, в пойме Реута, были тогда необозримые камышовые плавни, полные дичи. Появились у меня и друзья по охоте — колхозники Петру Лунгу и Петру Гэлеску. В доме Петру Гэлеску я чаще всего и останавливался. Дом этот стоял чуть ли не в самых плавнях. Постель для гостя стелили на лавке в «каса маре» — почетной гостевой комнате. А утром, чуть свет, мы с ружьями уже в лодке.

Плавни для охотников это, конечно, рай. Но ведь это и тысячи гектаров плодороднейших земель! Стал я советовать их освоить: «Не будет же вечно камыш шуметь, тут и хлеб может расти, и все что угодно». Бил в одну точку, и прислушались к советам колхозники. Начали рыть вручную первый осушительный канал. Местами было не пройти — такие заросли. Тогда погнали вперед стадо скота, а за ним уже люди. Вскоре начали заготовки камышового силоса. Еще через пару лет уже государство при участии колхозов занялось поймой Реута. А кончилось дело тем, что ежегодно пойма дает продукции на полмиллиона рублей — больше 15 процентов всего, что производит колхоз.

Все, чего достигло это хозяйство, ставшее в республике лабораторией передового опыта, — дело здешних колхозников, трудолюбивых, смекалистых, отзывчивых на все новое. Велики заслуги и председателя правления Бориса Владимировича Глушко, который умело, я бы сказал, талантливо руководил коллективным хозяйством в течение многих лет — со дня его основания и до ухода на пенсию. Родился он здесь же, в Чокылтепах, в семье учителя. Предприимчивый, умный, смелый — таков был этот председатель.

Сегодня всем уже ясно, что завтрашний день социалистического хозяйства — в органическом синтезе земледелия и животноводства с промышленностью, в создании интегрированной экономики в целом. И кто знает, может быть, осушенные поймы Реута или знаменитый «объединенный сад» в Ниспоренском районе надо считать первыми шагами на нынешнем пути межколхозной кооперации. Процесс этот стал теперь повсеместным. Лишь на этой основе можно достигнуть в сельском хозяйстве высшей производительности труда, при которой небольшая, но высококвалифицированная, технически и агрономически грамотная часть населения страны, вооруженная первоклассной техникой, будет полностью удовлетворять потребности народа, осуществлять на практике Продовольственную программу партии. И не случайно, конечно, нынешняя Молдавия стала в этом процессе своеобразным испытательным полигоном для всей страны.

Еще в годы моей работы в республике в Чадыр-Лунгском районе было создано первое в стране межколхозное объединение механизации, электрификации и мелиорации сельского хозяйства. Ныне в Молдавии насчитывается семь научно-производственных объединений, двадцать четыре аграрно-промышленных объединения, сто семьдесят совхозов-заводов. Это мощный

индустриально-сельскохозяйственный потенциал и, я бы сказал, наглядный пример продуманного хозяйствования.

7

Масштабы строительства у нас таковы, новые комплексные программы столь грандиозны, что от замысла до воплощения проходят многие годы. В сущности, только теперь можно по-настоящему дать оценку решениям, которые мы принимали в Молдавии в начале 50-х годов. А ведь от них зависело все будущее республики. Тут возникает проблема, на мой взгляд, принципиальная.

У советских людей должна быть уверенность, что сделанные ими добрые, полезные партии и народу дела не будут преданы забвению ни через десять, ни через сто лет. Речь идет о нравственном облике поколения.

На примере сегодняшней Молдавии вижу, что в целом мы в выборе «генерального направления» ее развития не ошиблись. Разумеется, экономика республики, как и всей страны, развивалась на основе народнохозяйственного плана, который был законом для нас. Но всего в плане не учтешь, жизнь выдвигала свои требования, и надо было с ними считаться. Быстро растущее сельскохозяйственное производство заставило подтягиваться все другие отрасли хозяйства. Развитие их нам тоже планировали. Казалось, все тогда было предусмотрено. Кроме подлинных возможностей республики, созданных коренными социально-хозяйственными преобразованиями на рубеже 50-х годов.

Расскажу, для примера, как мы с Кириллом Ивановичем Цурканом, тогдашним министром пищевой промышленности, спасали урожай винограда. В тот год виноград уродился на славу. Приходит ко мне Цуркан:

— Что делать, Леонид Ильич? Аврал! Тары, наличных емкостей по всей Молдавии вдвое меньше, чем нужно под такой урожай,— сусло некуда сливать.

Но правде говоря, ночь не спал, все прикидывал, что предпринять. Не нашли другого выхода, как отправить нашего министра в Москву — просить цистерны. Штук двести нам тогда выделили. Но их еще надо было привезти, а время не ждет. Прошел день или два, и снова звонит мне беспокойный Цуркан:

— Леонид Ильич, есть одна шальная идея: что, если старую водонапорную башню в городе приспособить?

Что вы думаете, разыскали ключи, полезли по шаткой винтовой лестнице на самый верх. Да, тут много бы можно залить. Но, увы, все поржавело, пришлось отказаться от идеи. Как же все-таки быть? Я попросил Цуркана собрать специалистов, стариков, опытных виноделов. Пусть они поделятся опытом, все обмозгуют, изыщут местные возможности.

Партийный руководитель не обязан быть одновременно экономистом, агрономом, инженером, строителем, виноделом и т. д. Но он должен владеть законами общественного развития, разбираться в людях, хорошо их понимать, опираться на конкретные знания мастеров того или иного дела.

Вспоминается эпизод из жизни В. И. Ленина. В очень трудный для страны год он вел заседание Совнаркома, на котором решался спорный вопрос, в ту пору существенный. Представитель Главторфа, который должен был наладить торфяные разработки, привел расчет, по которому на строительство барачков для рабочих следовало выделить по 4 тысячи рублей. Возразил представитель Наркомфина, который считал, что 4 тысячи — много, что дать надо не больше двух. Разгорелся спор, Ленин слушал, никого не перебивал, но послал каждому по записке: «Вы когда-нибудь строили бараки?» Торфяник ответил — да, финансист — нет. Тогда Владимир Ильич поставил вопрос на голосование:

— Есть два предложения,— сказал он.— Автор первого, имеющий опыт в строительстве барачков, считает необходимым выделить на постройку одного барака четыре тысячи рублей, автор второго, не имеющий такого опыта, предлагает выделить две тысячи рублей...

Тут, говорят, раздался смех, и вопрос был решен на Совнаркоме в пользу специалиста, знатока

дела. История, на мой взгляд, поучительная, не стоит о ней забывать... А виноделов мы тогда в Кишиневе собрали, тоже не обошлось без споров, но в конце концов комиссия предложила такой план действий. В засушливых районах Молдавии крестьяне имеют во дворе цементированный колодец для сбора дождевой воды. Подумали: если эти колодцы нужным образом обработать — сгодятся. На будущее надо, конечно, закладывать большие новые емкости, а пока и эти могут выручить. Уполномоченные нашего пищевого прома тотчас разъехались по районам — искать колодцы, заключать с колхозниками договоры на хранение государственного виноматериала. На учет взята была, что называется, каждая емкость, и ценный продукт удалось полностью разместить и сохранить.

Сама жизнь диктовала необходимость сделать основной упор и индустриализации Молдавии прежде всего на пищевую и перерабатывающую отрасли промышленности. Мы понимали, что это позволит решить двуединую задачу: создать собственную базу для переработки все возрастающего количества продукции и вместе с тем решить проблему занятости населения, укрепить ряды рабочего класса республики. К тому времени завершение коллективизации и широкое применение машин высвободили на селе множество рабочих рук. И вполне ясно было, что всестороннее и гармоничное развитие новой, социалистической молдавской нации, ее экономики, ее культуры немыслимо без мощного рабочего класса.

Успешное выполнение плана четвертой пятилетки позволило нам войти в ЦК ВКП(б) и союзное правительство с рядом дополнительных предложений, в том числе по развитию промышленности. К февралю 1952 года наши специалисты подготовили развернутую комплексную программу ускоренного развития пищевой индустрии в Молдавии, а в дальнейшем и пищевого машиностроения. Дело было ответственное, слишком многое зависело от него, и этот документ в Москву я повез сам. В итоге — наши предложения получили поддержку в Совете Министров СССР.

Одновременно с пищевой закладывались основы и других отраслей промышленности республики. Здесь курс мы взяли на налаживание трудоемких и вместе с тем перспективных производств, таких, как машиностроение, электротехника, приборостроение, — производств, которые могли бы поглотить излишки сельской рабочей силы. Большинство предприятий создавалось на базе бывших мастерских.

Часто мне приходилось бывать на Тираспольском заводе имени Кирова, который стал у нас первенцем молдавской индустрии. С директором, Иваном Семеновичем Шкорупеевым, сложились самые добрые, деловые отношения. И когда понадобился опытный, сильный человек на пост министра местной промышленности республики, я предложил его кандидатуру. По всему он подходил: на заводе (тогда еще в мастерских) — с 1931 года, вырос до главного инженера, потом стал директором, дело знает, с обязанностями справляется хорошо. Но Шкорупеев уперся: нет. и все! К месту привык, неохота срывать.

Как-то позвал его к себе.

— Только что, — говорю, — из района, устал, давай чайку попьем.

А сам думаю: с какой стороны к нему подобраться? Стал про свою судьбу рассказывать — куда только меня не бросало. О новом назначении директора по стал заводить разговор — думаю, поймет намек. Когда прощались, сказал:

— Приеду к вам на завод, посмотрю, к чему вы там попривыкали. А насчет работы посоветуемся с членами бюро.

Молчит, но, вижу по глазам, смекает — придется согласиться с назначением.

На заводе, конечно, подготовились к приезду гостя, хотели «по маршруту» вести, территорию, мол, посмотрим, перспективы на расширение. «Давайте лучше, — сказал им, — начнем с цехов. А что земли для расширения нет, оно и так видно».

В целом завод, как и в прошлые приезды, понравился. Продукция нужная и неплохого качества: движки, насосы для орошения, наждачные станки, ковочные молоты. Но все это виделось лишь как основа — здесь можно и нужно было развертывать современное производство. Это свое мнение высказал руководству района и завода:

— С реконструкцией и расширением надо хорошенько подумать. Нынешняя территория не

годится: через пару лет снова начнете задыхаться, к тому же и железнодорожную ветку сюда не протянешь. Уж если браться, то с перспективой. Продукция ваша и сейчас крайне нужна селу, но пора преодолевать психологию кустарных мастерских. Перестраивать завод надо по-современному, и кадры растить всерьез. Важно, чтобы работали металлисты не «привозные», а свои, местные.

Со временем так оно и стало. Выбрали площадку и построили практически новый завод. Когда я первый раз приезжал, работало 450 человек, теперь на заводе 4500 квалифицированных рабочих и специалистов. Л Шкорупеева мы все-таки уговорили. Стал он министром.

За каких-нибудь два-три года на глазах были преобразованы в современные предприятия Кишиневский завод имени Котовского, Бельцкий мотороремонтный, металлообрабатывающий завод в Единцах, механический в Чадыр-Лупге, насосный в Рыбнице и многие другие.

Все это помогло в считанные годы поднять экономику республики, подтянуть ее индустрию до уровня других промышленности развитых республик. Сравнительно молодому рабочему классу Молдавии стали теперь по плечу самые современные виды изделий.

8

Начало 50-х годов было для Молдавии не только периодом хозяйственно-экономического выравнивания с остальными республиками страны, но и временем бурного становления социалистической молдавской нации, ее нового самосознания, основанного на принципах советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Все это проходило негладко, порой в острой идеологической дискуссии — давали себя знать остатки буржуазно-националистического мировоззрения. Члены разбитых националистических организаций, пытавшиеся торговать интересами молдавского народа, вели порой открытую борьбу против социалистической идеологии, за отчуждение молдавской культуры от культуры всех других братских народов нашей страны.

Идеологическая работа партийной организации республики имела огромное значение для становления новой Молдавии. Здесь надо было проявить умение убеждать людей, находить правильные организационные формы, а главное, самому быть убежденным борцом, чутким к товарищам и требовательным к себе работником. В этой связи мне хотелось бы отметить, что всеми этими партийными качествами обладал заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Молдавии Константин Устинович Черненко. Молодой, энергичный коммунист, еще до работы в республике приобретший большой партийный опыт, он все силы отдавал порученному делу.

Впоследствии К. У. Черненко занимал ряд крупных партийных и советских постов, и всюду проявлялся этот его талант и опыт. Сегодня К. У. Черненко — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

Идеологическая работа была и остается наиболее сложной частью социалистического строительства. Тут дело имеешь непосредственно с человеческой личностью, в том числе с личностью творческой, порой ранимой и противоречивой. Важно, с одной стороны, помочь талантливым людям определиться в служении своему пароду, не дать им израсходовать то, что именуют «божьим даром», на бесплодную суету, проявить понимание, чуткость, терпение, а с другой стороны, ничем не поступиться в партийных принципах. В те годы мне пришлось пройти школу не просто идеологической работы, но и идеологического противоборства.

Огромные усилия мы прилагали для развития народного просвещения, национальной культуры, воспитания гражданина социалистического мира. Начинать надо было буквально с «ликбеза» — учить молдаван молдавской грамоте. (Главным образом это касалось населения правобережной Молдавии.) За пять послевоенных лет свою неграмотность ликвидировало около миллиона взрослого населения республики. За короткий срок удалось восстановить и построить 1472 школы. Необходимо было улучшить культурно-просветительную работу, наладить издание учебников на молдавском языке, готовить кадры преподавателей. Когда узнал, что молдаване составляют уже больше половины всех учителей, то воспринял это как большой успех национальной политики

партии.

Передо мной лежит сейчас протокол одного из заседаний бюро ЦК КП(б) Молдавии. Вот некоторые вопросы, которые обсуждались тогда, в самом конце 1950 года: «Об издании произведений классиков марксизма на молдавском языке; об улучшении книжной торговли в республике; об издании детской литературы: о недостатках в работе республиканского отдела «Союзпечати»; о мерах по улучшению кинообслуживания сельского населения; о состоянии радиофикации республики; о выполнении Закона о всеобуче; об издании школьных учебников в 1951 году; об улучшении учебно-воспитательной работы в Кишиневском государственном университете...»

Приведу несколько цифр из документов того времени, которые также были присланы мне из архива. Мы радовались, когда особым приказом школам Молдавии выделили 35 тысяч учебников, когда получили сообщение, что на работу в наши вузы из Москвы выезжают 7 профессоров и доцентов. Тогда же, в конце 1950 года, в республику были направлены 25 тысяч детекторных приемников. 30 тысяч метров пленки с радиозаписями. 45 киноаппаратов и 15 печатных машин. Сегодня это кажется каплей в море, но тогда было очень важно, и все это говорит о задачах, которые мы в ту пору решали. Ведь сейчас Молдавия — один из важных центров науки, культуры. Здесь выросла талантливая интеллигенция, выдающиеся ученые, литераторы, артисты.

Сегодня мы с гордостью сознаем, что в нашей многонациональной стране сложилась и расцвела единая по духу и содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их. Все заметнее становятся общие интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Этот процесс отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда. Именно такую цель ставила перед собой партийная организация Молдавии и шла к ней уверенно, не жалея сил.

9

А теперь расскажу немного о Кишиневе — городе, в котором жил и который очень люблю. Поздно вечером 4 марта 1977 года мне позвонили домой:

— Леонид Ильич, в Молдавии землетрясение... По шкале Рихтера около...

— Что в Кишиневе? — прервал я.

— По предварительным данным, разрушения незначительные, пострадали старые постройки, жертв нет.

У меня отлегло от сердца, и я мог уже спокойно выяснить обстановку.

Москвичи, как и жители других городов, видимо, помнят тот тревожный вечер, когда отголоски грозного явления природы докатились и до их жилищ. За несколько минут до звонка, помню, я и мои домашние почувствовали: с домом происходит что-то неладное — качалась люстра, звенела в шкафу посуда.

Как позже выяснилось, это было одно из сильнейших землетрясений нашего века. Главные беды оно принесло Румынии и Болгарии, где были и значительные разрушения, и человеческие жертвы. Уже на следующий день мы от имени ЦК КПСС и Совета Министров СССР направили в адрес Центральных Комитетов братских партий и правительств этих стран телеграммы с выражением соболезнования по случаю постигшего их стихийного бедствия и оказали необходимую в таких случаях помощь.

Не скрою, когда я услышал о землетрясении в столице и других городах и селах Молдавии, в первый момент у меня похолодело в груди. В памяти пронеслись картины залитых солнцем проспектов, застроенных по-южному легкими и светлыми многоэтажными зданиями. У всех нас еще в памяти трагедия Ташкента. Теперь — недобрая весть из Кишинева, ставшего родным, как

каждый город, в котором ты хоть и не родился, но с которым связан не менее прочными узами трудовой деятельности.

Была у меня и еще одна, сугубо личная причина внутренне содрогнуться при мысли о том, какие бедствия могло обрушиться на город и его жителей землетрясение. Дело в том, что многоэтажное строительство в столице республики, которое теперь всеми воспринимается как естественное и единственно возможное для такого крупного современного города, началось в свое время по моей инициативе, и должен сказать, на первых порах оно было встречено многими отнюдь не с энтузиазмом.

Кишинев в год, когда я переехал туда, еще не оправился от войны — люди ютились в подобиях человеческого жилья, новых домов почти не строили. Весь транспорт — две трамвайные линии, пересекавшие город. Особенно плохо обстояло дело со снабжением электроэнергией и водой. А городские и республиканские власти «не шибко» поворачивались в заботах об этих первоочередных нуждах. Пришлось пойти на «волевые» меры. В одном из протоколов бюро я предложил записать: с такого-то числа прекратить подачу воды и электричества в квартиры нижеследующих товарищей. Далее шел немалый список руководителей города и республики. Была в этом списке и моя квартира на Садовой улице. Подействовало! В считанные дни было налажено бесперебойное снабжение города и водой, и электроэнергией — кишиневцы вздохнули с облегчением.

Однако я понимал, что это лишь временный выход из трудного положения. Столица Молдавии нуждалась в обоснованном генеральном плане развития. Такой план, разумеется, существовал. И разработан он был не кем иным, как самим академиком Л. В. Щусевым, уроженцем Кишинева. Выдающийся архитектор все прекрасно обдумал, все предусмотрел в свое время, но время-то менялось, притом очень быстро менялось.

Позвал я к себе тогдашнего заместителя Председателя Совета Министров Тимофея Ивановича Трояна — стали снова изучать этот генплан. Оказалось, в городе предусмотрено лишь двух-трехэтажное строительство. Обосновывалось это повышенной сейсмичностью зоны. И резонно: последнее сильное землетрясение было в Молдавии не далее как в 1940 году. Кишинев очень сильно пострадал тогда. И все же спрашиваю:

— А вы, Тимофей Иванович, согласны с такой постановкой вопроса?

— Нет, не согласен! Ведь город мы планируем теперь на пятьсот тысяч населения. Сколько же места потребуется, если строить не выше трех этажей?

— Вот и я так думаю: нерентабельно и несовременно. Вдобавок и строительная техника, надо полагать, не стояла все эти годы на месте.

Собрали мы специалистов — ученых, инженеров, архитекторов, сейсмологов. Долго судили и рядили, взвешивали все сомнения, выслушивали любые возражения. Как говорится, семь раз отмерили, прежде чем отрезать. И поставили точку: будем строить многоэтажный город. Речь в то время шла лишь о пятиэтажных зданиях, а не о тех небоскребах, которые украшают нынешний Кишинев. Однако и пять этажей были тогда большим событием. Помню, первый проект такого дома мы тщательно изучали в ЦК. Снова и снова допытывались у сейсмологов: все ли предусмотрено? Так на улице Ленина вырос первый за всю историю молдавской столицы пятиэтажный дом. На него горожане ходили смотреть как на диковинку. Примерно в то же время мы открыли домик-музей академика Щусева, который сказал в свое время: «Жилище — это 30 процентов человеческого счастья».

С первого многоэтажного дома фактически началось массовое строительство в городе. Но нужно было решить еще одну проблему — из чего строить? Стройиндустрия была в Молдавии еще слаба. Однако при внимательном взгляде выяснилось: мы не умели рационально использовать даже то, чем располагали, — свои возможности, местные материалы, энергию и таланты людей. Замечу, кстати, что эта застарелая болезнь мешает нам и сейчас, и чем больше масштабы экономики, тем болезненнее сказывается она.

Как-то поехали мы с Трояном посмотреть, как добывается длястроек камень. В сущности, это и был тогда весь наш строительный потенциал — старинные Криковские каменоломни, откуда брали так называемый «рваный камень» и ракушечник. Производительность труда была в этих

пещерах низкая, а труд тяжел: ручные пилы, керосиновые лампы, примитивные рычаги. Но выход нашелся.

Оказалось, что существует изобретение здешнего инженера-железнодорожника К. П. Галанина — камнерезная машина, которой в республике почему-то не дали хода. Пришлось взять ее под опеку, встречался много раз с Константином Петровичем, ездили вместе испытывать его машину в те же пещеры. И вскоре наладили производство машин. (Теперь, замечу, машина Галанина распространилась по всему Союзу, спрос на нее велик, в Армении ее выпуском занят целый завод.) А нам машина эта — спасибо даровитому человеку! — помогла тогда поднять Кишинев в буквальном смысле слова «на новую строительную высоту».

Трудностей не стало меньше, остро не хватало специалистов, строительной техники, кранов, машин. Но изменился стиль отношений, и очень многое пошло по-иному. Появились другие интересные предложения, проекты, идеи, нашлись другие смелые, находчивые люди, умевшие смотреть вперед, и, разумеется, следовало их поддержать, нужна была организационно-политическая работа, требовалось вести борьбу с равнодушием, косностью...

Сегодня у нас, скажу без преувеличения, гигантская армия квалифицированных строителей, архитекторов, проектировщиков. Создана и строительная индустрия, которой может позавидовать мир. Есть все предпосылки к тому, чтобы города наши поднимались один краше другого. Да и есть у нас чем гордиться и в городах и в сельской местности, построены отличные микрорайоны в столицах республик, выросло много замечательных зданий в Ленинграде и Москве. И все же подчас вызывает досаду распространенная еще безликость — стандартные районы во многих городах страны.

Думается, что теперь, когда утолен первый жилищный голод, когда десятки миллионов семей уже справили у нас новоселье, нельзя строителям гнаться только за количеством квадратных метров «жилплощади», забывая о качестве квартир и внешнем виде наших улиц и площадей. Иногда задают вопрос: можно ли добиться выразительности и красоты при массовой застройке? А ответ давно известен: не только можно, но и нужно! Имеются и у нас в стране примеры хорошей современной застройки в Вильнюсе, Алма-Ате, Ереване, в новом Ташкенте, в подмосковном Зеленограде, в том же Кишиневе — словом, всюду, где зодчие строили то, что задумали, а не то, что выйдет само собой. Возвращаясь к Кишиневу, скажу: опыт его застройки во многом поучителен. Город и красив и, как показало землетрясение, прочен.

У нас прекрасные традиции русской архитектуры, национального зодчества других народов нашей страны. Используются они, надо сказать, пока еще слабо. Забывают строители и доброе правило отечественных мастеров — строить на века! Меня эта проблема волнует, и, думаю, пришла пора решать ее сообща и самым основательным образом.

* * *

Вспоминая теперь годы своей работы в Молдавии, как и в Днепропетровской области, в Запорожье, на Урале, я испытываю чувство удовлетворения. Да, хочется повторить, мы делали дело, шли все годы по неизведанному пути, прокладывали путь по целине в прямом и переносном смысле слова. Так было и в Молдавии. Мне пришлось работать там не очень долго. Осенью 1952 года состоялся XIX съезд партии, и я вместе с делегацией Компартии Молдавии поехал в Москву. Съезд избрал меня членом ЦК Коммунистической партии Советского Союза и секретарем ЦК. В Кишинев я вернулся для того, чтобы попрощаться с товарищами. Обходил все комнаты нашего партийного дома на Киевской, звонил молдавским друзьям в колхозах и совхозах. Их было у меня немало. Многие пришли сказать мне напутственное слово на вокзале.

Вышло так, что приехал я в Молдавию весной, а уезжал осенью. И мне всегда тепло на душе при мысли о том, что все посеянное в те годы дало всходы, расцвело, и мы собираем теперь урожай. Усилия коммунистов, всего населения республики принесли прекрасные плоды. Советская Молдавия полнокровно и счастливо живет в союзе братских республик нашей

многонациональной Родины. Она достигла огромных экономических и культурных успехов, которыми по праву гордится сегодня молдавский народ, гордятся все братские народы Советского Союза.

Все это — результат ленинской национальной политики партии, социалистической системы хозяйствования, братского сотрудничества и взаимопомощи всех республик нашей страны.

Обращаясь к дням минувшим — передо мной встает время героического труда, глубочайших преобразований и выдающихся свершений наших народов во всем социалистическом Отечестве. И одно из самых ярких, определяющих свершений — интернациональное братство советских людей. Это поистине историческая победа социализма. Интернационализм стал глубоким убеждением и нормой поведения миллионов и миллионов советских людей. Это подлинно революционный переворот в общественном сознании, значение которого трудно переоценить.

Сплотить все нации и народности смогла Коммунистическая партия, последовательно выражающая интересы рабочего класса, трудящихся всех национальностей. Такой создал нашу партию коммунистов великий Ленин. Такой она является сегодня. Такой она будет и впредь.